

Галина Павловна Глебова (Василькова) родилась в пос. Хорлово Воскресенского района, Московской области. Трудится в службе социальной защиты населения г. Воскресенска. Широко публикуется в местной печати, в антологиях писателей Болгарии и России («Созвучие», «Светопис»), в книгах «Издательского дома «Серебро слов» – «Не меркнет Золото Победы», «Бессмертная обитель», «Книги и судьбы». Многие её стихи переведены на болгарский язык. Лауреат «Областной литературной премии им. Е. Слободянюк" – 2019, областного литературного конкурса «Звёздное перо» и многих других. Активный представитель Воскресенского ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова. Член Союза писателей России.

ISBN 978-5-907154-66-7

Галина Глебова

Разговор с осенью

Галина ГЛЕБОВА

Разговор с осенью

Стихи. Рассказы

Коломна
Серебро Слов
2019

УДК 821.161.1-3 Глебова
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Г 53

Г. Глебова
Разговор с осенью. Стихи. Рассказы/*Г. Глебова. – Коломна: Серебро Слов, 2019.* – 76 с.

Эта первая авторская книга поэта Галины Глебовой даёт возможность читателю более широко познакомиться со взглядами на жизнь наших творческих современников, услышать их житейские устои и своеобразность философских векторов.

Автор благодарен за помощь в издании книги Леониду Анфиногеновичу Дудину, Сергею Сергеевичу Антипову, Ольге Александровне Новиковой, Галине Валентиновне Самусенко, Елене Владимировне Агаповой и всем, кто причастен к её выходу в свет.

Фотографии из архива автора

ISBN 978-5-907154-66-7

© Г. Глебова, 2019
© Г. Глебова, фото 2019
© Издательство «Серебро Слов», 2019

«ВСЁ ПРОХОДИТ…»

В заголовок вынесено древнее утверждение «Всё проходит» из легенды о надписи на внешней поверхности кольца библейского царя Соломона, которое рефреном звучит - явно или неявно – почти во всём творчестве Галины Глебовой. И неплохо бы, пожалуй, это утверждение считать символическим авторским оберегом, а также и оберегом её лирического героя.

Всё проходит: и боль, и тревоги, –
Забываются сны и мечты.
Остаются лишь только дороги,
По которым придётся пройти.

Сказав о соломоновом «Всё проходит», и подтвердив правильность библейского изречения строками из книги Галины Глебовой, хотелось бы заметить, что нам трудно разделить эмоциональный накал стихотворных слов и, с некоторыми сомнениями, приписать их то ли к персоне автора, то ли того самого упомянутого лирического героя.

Как-то получается, что в книге видится в этой роли только лишь автор, он же Повествователь. Кроме того, зная поступки Галины Глебовой, её личные переживания, взрывные строки её стихов, сопереживания за справедливость, боль за всё сущее на свете, – понимаешь, что любые последующие события, и плохие, и хорошие, но принятые всем сердцем и перекипевшие в нём, вдруг, - нет, не вдруг, - а очень медленно, из дальнего далёко, всё равно явятся, сопровождаемые необходимым успокоительным действом: «Пройдёт и это».

Передаётся действо – словами, которые исполняют роль оберега, а волнительному читателю и радость души. Да пусть ему легче станет.

И, набросив желанья на плечи,
Я войду в новорожденный день.

Но войду без налёта сомненья,
О вчерашнем, не ведая дне…
Всё проходит: молва невезенья,
Да и всё, что так дорого мне.

Поэзия Галины Глебовой в поисках самой себя пока ещё мечется из стороны в сторону, прибиваясь к формам классическим, и к неклассическим, в то же время и пытается робко приткнуться, на фоне абстрактных спектаклей, и к современной суете сует. Помня, при этом, что опыт русских Мастеров – на все века пригоден в качестве трогательной лирики любому нынешнему стихотворцу.

И появляются тогда простые, но щемящие душу слова:

Догорит на заре свеча,
Слёзы высохнут.
Боль останется.

* * *

Что же я, словно бы
неприкаянна,
Не найду себе путь простой?..
Я тебя повстречала нечаянно,
И опять заболела тоской.

Обращаясь к теме о выдающихся классиках (А. Пушкин, М. Лермонтов, Д. Байрон, М. Цветаева,

А. Ахматова), а также к памяти замечательных людей (Е. Слободянюк, Ж. д'Арк) Галина Глебова, похоже, пытается создать лирический образ, подобный себе, но чаще остаётся лишь в тени этого образа, теряясь в его величии. Где-то что-то не так. Как говорится, не дотягивает. Однако, смелая попытка войти в таинство бытия великих мира сего не мешает ей сделать собственные открытия. И это уже радует.

Из заметок о Лермонтове и Байроне:

* * *

Вас гнал непостижимый рок,
И только смерть домой
вернула.
Поэт – изгой, Поэт – пророк.
Вы под немым прищуром
дула
Шагнули за черту времён,
Забыв про жалость
и терзанье.
…Навеки гений обречён
На честь, на славу,
на сиянье.

Удачны у поэта стихи о родимой земле. Они не требуют напряжения при прикосновении к ним, они просто радуют, навевая самые добрые чувства ко всему, чем и связаны мы со своим Отечеством.

* * *

Двор с фонтаном, клуб фабричный,
Черно-белое кино.
Где в сюжетах необычных
Счастье с горем сплетено.

Яркость праздников престольных,
Песни, танцы под гармонь.
И немеркнущий нисколько –
Плясок девичьих огонь.

Здесь автор книги может – и умеет! - развернуться вовсю ширь своего дарования. Здесь Галина Глебова вся – и светла, и смела, и до счастья открыта.

А заглянув в себя ещё глубже, может, надо думать, с малой грустью сказать: «Ничто не проходит».

Те же слова нежданно мудрый царь Соломон, став с годами ещё мудрее, увидел на ребре своего кольца.

Леонид Дудин,
лауреат Всероссийской литературной
премии им. М. Ю. Лермонтова

I

НА НЕБЕСАХ ЛИ, НА ЗЕМЛЕ

У многовекового дуба в усадьбе Кривякино по случаю приезда Болгарских писателей. Воскресенск 2017 г., общий снимок.

* * *

Наша жизнь
словно соткана вся из дорог.
Для кого путь длинней,
для кого-то короче…
А для тех, кто нас ждёт,
проводив за порог, –
Остаются бессонные ночи.

МАТЕРИНСКАЯ ДОЛЯ

В старом домике у клёна,
Где зарос травою сад,
На стене, как две иконы,
Фотографии висят.

У окна сидит старушка,
Теребит платок рукой.
Крест нательный, орден, кружка,
Треугольник фронтовой –

Вот и всё, что ей осталось
От погибших сыновей.
Превратилась в пепел радость
Для неё на склоне дней.

Два солдата, два героя,
Два защитника страны,
Полегли на поле боя,
Аккурат в конце войны.

Схоронила «похоронки» …
А в живых, туманя взгляд,
На стене, как две иконки, –
Фотографии ребят.

***

Сожги, свеча, мои печали.
Надежду дай,
боль отпусти.
Какою я была в начале,
Уже не быть в конце пути.

Я стала мягче и терпимей,
Не трачу понапрасну слов.
И опыт, возрастом ценимый,
Хранит меня от пустяков.

Пытаюсь сложные задачи
Решать по книге бытия.
Учусь на многое иначе
Смотреть и чувствовать.
И я
Учусь любить, прощать обиды,
Учусь терпеть, когда нет сил,
Пока звезду моей планиды
Господь ещё не погасил.

РАЗГОВОР С ОСЕНЬЮ

Поговори со мной сейчас,
Подруга златокудрая.
Мне тяжело в полночный час,
А ты такая мудрая.

Судьбу не буду я корить
Усталым поздним вечером,
О смысле жизни говорить
Не хочется… и нечего.

Со мной в преддверии зимы
Порой хандра случается.
А что, подруга, может мы
Местами поменяемся?

Забудусь снежною зимой
Я в неге сна девчачьего.
Не хочешь, нет? Пойдём домой,
Попьём чайку горячего.

Поговорим о вещих снах,
В которых дни стираются.
О тех пророческих словах,
Которые сбываются.

Поговорим о той весне,
Что длилась лишь мгновения.
О слишком ранней седине,
Загадке вдохновения.

Я расскажу, как у огня
Легко и петь, и здравствовать.
Жизнь скоротечна для меня.
Тебе – извечно праздновать.

****

Всё проходит: и боль, и тревоги, –
Забываются сны и мечты.
Остаются лишь только дороги
По которым придётся пройти.

Счастье – это потери и встречи,
Что со мной не разлучны, как тень.
И, набросив желанья на плечи,
Я войду в новорожденный день.

Но войду без налёта сомненья,
О вчерашнем не ведая дне.
Всё проходит: молва невезенья,
Да и всё, что так дорого мне.

****

Сегодня Смерть пришла ко мне с визитом,
На кресло села, саван подобрав.
И стала говорить со мной, открыто,
Приличья и условности поправ.

От наглости такой я ошалела.
Решив, что наступил последний час,
Перекрестилась, и, со страху, смело
Я предложила выпить ей за нас.

Не чокаясь. Что было бы забавно.
За сон в раю, где красочный ландшафт.
Смерть на меня взглянула как-то странно,
И предложила пить на брудершафт.

И тут я напряглась. Подруги значит?
А та за рюмкой рюмку, вот те на!
Мне перспектива вечности маячит,
А Смерть не вяжет лыка ни хрена.

Помру, и заберёт без покаянья.
И буду до скончания веков,
Бродить по лабиринту мирозданья,
Сходя с ума под тяжестью грехов.

ОСЕНЬ

Осень, осень. В ноябре
Холодно, невесело.
Утром темень во дворе,
На дорогах месиво.
Дождик мелкий и косой
Сыплет и ребячится.
Ходит целый день за мной,
Под зонтом не спрячешься.
Листья падают к ногам,
В горле горечь острая.
Возвратилась снова к нам
Тётка-осень пёстрая.
Но тоски я не боюсь,
На судьбу не сетую.
Вызывает осень грусть
Почему-то светлую.
Я оденусь потеплей.
Чаю для затравочки.
Проболтаю вместе с ней
До утра на лавочке.

***

Небо чёрное, ночь безлунная.
Окна спят, не горят фонари.
Только я одна неразумная
Всё мечтаю о прошлой любви.

Что же я, словно бы
неприкаянна,
Не найду себе путь простой?..
Я тебя увидала нечаянно,
И опять заболела тоской.

ЛЕТНЯЯ ЗАРИСОВКА

Вечереет. За окном
Темнота сгущается.
Потихонечку весь дом
В дрёму погружается.

Телевизоров огни
Всполохами мечутся.
На дороге фонари
Светят вместо месяца.

Мотоциклов слышен гул,
Где-то за околицей.
Дом почти уже уснул,
У меня – бессонница.

Невозможная жара.
Духота-разлучница…
Видно, буду до утра
В этом пекле мучиться.

***

Как в зеркале, всюду вижу твоё отраженье.
Но жаль, что меня ты не видишь.
Я – ветер, слетевший к реке.
Горячее солнце на небе согреет моё дуновенье,
Когда я к тебе приближусь и прикоснусь к щеке.

Я обниму тебя нежно.
Тише, сердечко, тише.
Но ты не заметишь даже, в мечты погрузившись.
И всё,
Что я прошепчу на ушко – только травы услышат,
А водная рябь подхватит, выдав волненье моё.

***

На небесах ли, на земле ли,
Вблизи от рая, иль вдали,
Красиво ангелы мне пели,
О всеобъемлющей любви.

Божественно звучала лира,
Напев до сердца доставал.
И аромат, подобный миро,
Волною счастья накрывал.

Внимая им, смолкали птицы,
И счастью не было конца.
И у людей светлели лица,
Услышав замысел Творца.

И каждый верил, что отныне
Утихнет ненависть вражды,
Что и в безжизненной пустыне
Однажды зацветут сады.

Что будет мир в святой купели,
Что не коснётся тьма сердец…
Но ангелы печально пели,
И плакал в небесах Творец.

* * *

У любви срока давности нет.
Покаяния нет без прощенья.
Белый цвет – это траура цвет,
Ну, а красный – огонь очищенья.

У предательства совести нет,
У предавшего нет оправданья.
Страх имеет коричневый цвет,
Ну, а красный рождает желанья.

У банкноты и запаха нет.
Милосердия нет у берущих.
Чёрный цвет – это хаоса цвет,
Ну, а красный – девиз неимущих.

Здесь в России стук сердца – набат.
Ядом злости отравлены души.
Коль на брата поднимется брат,
Красной станет шестая часть суши.

***

Иду по улице неспешно я,
Знак одиночества в себе тая.

И плакать хочется, да не вольна –
Крепка у гордости моей броня.

А небо хмурится, и ветер бьёт.
Пришёл, наверное, беды черёд.

Но мысли смутные умчались прочь,
И звёздным саваном укрыла ночь.

РОМАНС

Рассвело. За окном
Скоро солнце взойдёт.
В этот час о былом
Мне гитара поёт.

О родимых краях,
Где был дом осветлён.
О просторных полях,
Где шумел синий лён.

Там под сенью лесов
Было мне не до сна.
Ароматом цветов
Опьяняла весна.

И казалось тогда
Все открыты пути.
Только жизнь без следа
Стёрла эти мечты.

Так и минул рассвет
В горьких лет череду.
Облетел первоцвет
В том весеннем саду.

II

РОДНАЯ МОЯ СТОРОНА

В поселке Хорлово на озере Невест. 2015 г.

ПОСЁЛОК ХОРЛОВО

Как бы солнечно, толково, –
Что не может быть родней, –
Рассказать мне о Хорлово –
Светлой родине моей?

Где найти слова такие,
Навсегда чтобы в строке
Жили милые простые,
Как мальки в моей реке?

Вспоминаю часто детство,
Ту казарму, где жила,
Парк и пруд, что по соседству,
Древних сосен купола.

Двор с фонтаном, клуб фабричный,
Черно-белое кино.
Где в сюжетах необычных
Счастье с горем сплетено.

Яркость праздников престольных,
Песни, танцы под гармонь.
Не тускнеющий нисколько –
Плясок девичьих огонь.

Дух фабричный не забыла,
Ткацкий и прядильный цех,
Как давно всё это было:
Гул станков, весёлый смех…

Столько лет прошло, но снова
Мысль заветную ловлю:
Родина моя! Хорлово!
Я до слёз тебя люблю.

***

Яблонька-красавица,
Яблонька-подруженька,
Расцвела весною ты,
Как душа любви.

Платье подвенечное
Солнышком расшитое,
А кайма зелёная,
Как глаза мои.

Обниму красавицу,
Яблоньку-подруженьку,
Тайны ей сердечные
Тихо прошепчу.

Пожалеет яблонька,
Успокоит девицу,
И навеет светлое –
То, что я хочу.

***

Разбитная весна. Сумасшедший апрель
Не стабилен.
Как, впрочем, и наша планета.
То пригреет, то снова сорвётся в метель…
И похоже я не по погоде одета.

Вот старушка с корзинкой идёт на базар.
Горка мусора возле поломанной лавки.
Старый дворник метёт городской тротуар.
И рычат на метлу две бездомные шавки.

Первоклассник в припрыжку бежит на урок,
Изучая попутно все встречные лужи,
Дует в спину ему ледяной ветерок.
Дворник в кашле зашелся –
наверно простужен.
Я иду, не спеша, и любуюсь весной.
Оживает природа, от сна пробуждаясь.
И щебечут скворцы над моей головой.
Я иду и дыханьем весны наслаждаюсь.

Не спешу никуда...
Мимо едет «Газель» …
Улыбается солнышко. День будет ясен.
Вечно юный, звенящий капелью апрель,
Ты сегодня особенно как-то прекрасен.

Размышлений нестройных оборвана нить.
Но меня, как, ни странно, волнует не это:
Мне б в апреле опять научиться любить,
Чтобы с маем ворваться в звенящее лето…

***

Догорит на заре свеча.
Слезы высохнут, боль останется…
Не спеши рубить сгоряча,
Так легко самому пораниться.
Если хочешь распнуть –
распни,
Но потом на судьбу не жалуйся.
Беспросветными станут дни –
Не ищи в этом Божий замысел.
Застучат по стеклу дожди,
Взвизгнет жалобно дверь скрипучая.
Ты хотел уходить? –
уйди.
Без обиды,
меня не мучая.
Я не стану во след кричать,
О пощаде молить и каяться.
Догорит на заре свеча,
Слёзы высохнут.
Боль останется.

***

«А Андерсен сквозь дрёму видел сны
Про королеву девственного снега...»
Юлия Мусатова

Деревья в инее, вокруг – снега, снега.
Божественна уснувшая природа.
Полуодета?
Нет,
полунага
В сиянье вечно юного восхода.

Как тишина порою дорога,
Безмолвие не сковывает душу.
И вдруг охотники.
Трубят, трубят, рога.
Несутся кони, псы – покой нарушен.

Лес встрепенулся, затрещал, ропща,
Разбуженный незваными гостями,
И ветками безжалостно хлеща
Опутал их еловыми сетями.

Рога умолкли, заскулили псы,
Оставшись без еды и без ночлега…

Ганс Кристиан дремал и видел сны
О Королеве девственного снега…

НОВОГОДНЕЕ

Кружится, кружится в танце Мальвина,
Платье из марли, капроновый бант.
Плачет влюблённый Пьеро. Буратино
Кружит Мальвину, как истинный франт.

Парень галантный, с ключом от каморки,
В модном камзоле, а в шляпе перо.
Фрукты, вино заказал и три корки –
Плачет от горя влюблённый Пьеро.

Пёс Артемон примостился у ели,
Делает вид, что уснул.
Вот бандит.
Как же интриги ему надоели –
Нервно хвостом по паласу стучит.

Плачет Пьеро, веселится Мальвина.
Отблеском тайны мерцает луна.
Ох, доиграется наш Буратино –
Слёзы Пьеро, как морская волна

Мощным цунами готова подняться,
Всё поглощая потоком страстей.
Так над влюблённым нельзя измываться,
Плачет Пьеро всё сильней и сильней.

С боем курантов земля содрогнулась:
– Что это? Кто это? Где это я? –
И от внезапного шума проснулась
В новом году, в первый день января!

Хлопала глазками с ветки Мальвина,
С хитрой улыбкой качался Пьеро,
Грустный, помятый висел Буратино.
Пёс, не спеша, грыз на шляпе перо.

НОЧЬ

Ночь поглощает усталое солнце,
Лёгкой вуалью, укрыв небосвод.
Знаешь, луна – это тоже оконце
В звёздную гавань открытых широт.

Я ощущаю умиротворение,
Нежную дрожь аромата цветов.
Это безумное прикосновение
К межгалактической памяти снов.

Тенью они проникают в сознанье.
И в беломраморном свете луны
Ночь исполняет любые желанья,
Не нарушая покой тишины.

Звёздную нить накручу я на пальцы,
Вышью причудливо-дивную гладь.
И отложив бесполезные пяльцы,
Стану всю ночь на созвездьях гадать.

****

Замело листопадом дороги,
Скрыла солнце дождей пелена,
Утихают на сердце тревоги
В предвкушении зимнего сна.

Стало ровным природы дыханье,
Реже слышится птиц перезвон.
Живописные воспоминанья,
Уплывают легко в полусон.

Вертикальною дымкою вьются
Над пылающей краской листвой.
И когда они с небом сольются, –
То уснут и проснутся весной.

СТАТУЯ

Камень холодный без очертания.
Пульсом, замедленным бьётся едва.
Всё же в мраморе есть обаяние,
В глыбе бесформенной искра жива.

Скульптор зубилом работает смело,
Чтобы явится на свет красоте,
Воссоздавая бессмертное тело
В первоначальной его наготе.

Сколько величия и обаяния,
Как притягательна статуи стать.
Будет извечное это создание
Мир совершенством своим восхищать.

Линии плавные и грациозные.
В томном изгибе дыханье любви.
Безукоризненно, очень серьёзное
Крикнуть – желанье: «Скорей оживи!»

***

Вышивает осень
Пурпуром канву.
Утром неба просинь
Оттенит листву.
Лужи на дорогах,
Жухлая трава.
Мыслей целый ворох,
Кругом голова.
В воздухе прохлада –
Свежесть октября.
А для глаз отрада –
Море янтаря.
Вид необычайный.
Богом вдохновлён
Приобщённый к тайне
Колокольный звон.
Звуком околдован,
Зачарован лес.
Он внимает слову
Ангела с небес.

***

Темнота сгустилась за окном.
Погибаю от дождя и скуки.
Сыростью пропитан старый дом,
И озябшие немеют руки.

Я хриплю, и дом в ответ хрипит,
Кашляю – он отвечает стоном,
Охаю – он дверью заскрипит,
Так, что стёкла отзовутся звоном.

А когда, уставшие вконец,
Мы уснём тяжёлым сном с тобою,
Наверху начнёт ремонт жилец,
И разбудит нас уже зимою.

***

Один поэт подвел итог
Своих прошедших лет без скидок:
«Как мало пройдено дорог,
Как много сделано ошибок».

Я призадумалась, мой Бог,
Он прав, задел ведь за живое:
Пройди хоть тысячу дорог,
Ошибок будет больше вдвое.

Печален мог бы быть итог,
Но разум человека гибок:
Пусть мало пройдено дорог,
Бесценен опыт от ошибок.

III

ПОСВЯЩЕНИЯ. ПАМЯТЬ

В Московской областной организации Союза писателей России. Москва 31.07.2019 г.

ПРЕДРАССВЕТНАЯ МОЛИТВА

Отпусти мне, Боже,
Грех мой.
Усмири
Страсть, что душу гложет
Болью изнутри.
Дай мне силы, Боже,
Духом не упасть.
Жаль, что мы не можем
Жить не суетясь.
Мудрости б немножко,
Да любви чуток.
Распахну окошко –
Воздуха глоток
Приведёт в порядок
Мысленный мятеж,
Растворит осадок
Рухнувших надежд.
Дай поверить, Боже,
Что не так плохи
Мои шансы
всё же
Искупить грехи.

БОЛЬ

Памяти Е. Слободянюк

Боль.
И нет никаких обид
На судьбу, на людей, на мир…
Но беззвучно
душа кричит,
Содрогая глухой эфир.
Стон.
Стекает, как водопад,
В горловину чёрной дыры…
Стон и плач –
вот такой расклад
одиночества.
Плач.
Навзрыд.
Ночь.
Во тьме ощущенья острей,
Как пульсар,
голоса квартир.
Мысли – в строки….
успеть, скорей….
Поглощает сознанье эфир.

Смолкли звуки.
И мир затих.
Погружаясь незримо в стих.

* * *

М.Ю. Лермонтову

Нет, вы не Байрон,
вы – другой,
Хотя близки по духу всё же.
И Гарольд – Байрона герой,
Весьма с Печориным
похожи.
Аристократы,
бунтари,
Отвергнутые оба светом.
Сжигала страсть вас
изнутри,
Связав таинственным
обетом.

Вас гнал непостижимый рок,
И только смерть домой
вернула.
Поэт – изгой, Поэт – пророк.
Вы под немым прищуром
дула
Шагнули за черту времён,
Забыв про жалость
и терзанье.

…Навеки гений обречён
На честь, на славу,
на сиянье.

* * *

Памяти А. Ахматовой

Ночь в Париже. Богемного сана
Удостоил художник поэта.
Отдавая любовь свою, Анна
Ничего не просила за это.

Целовал в лунном свете нагую
Так, что криком излиться хотелось.
Больше жизни желая такую,
Рисовал её грешное тело.

Но не с ним ты короною венчана.
Ваши чувства подобны рулетке…
Непокорная, гордая женщина
Задыхалась в любовной клетке.

Мир чердачный так узок. И ближе
Стал тебе на одно лишь мгновение.
Как же коротки ночи в Париже,
Как же тяжко твоё пробуждение….

АНГЕЛ

«Ангел ждёт, но только почернел»
Д. Веузар

Ангел ждал. Ждал долго, терпеливо.
Ждал, когда одумаешься ты.
Годы пролетали торопливо,
Между нами разводя мосты.

Ждал, пока играл ты в супермена.
Ждал, когда закончится запой.
За тобою следуя смиренно,
Ждал, когда прозреешь ты, «слепой».

Ангел ждал. Он плакал и молился,
Ты мольбы испытывал предел.
Ангел всё же ждал, терпел, не злился -
Только вот до срока почернел.

***

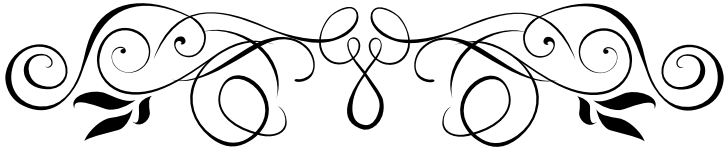
Снова хмурится погода.
Боль, прошу, повремени.
Засыпает вновь природа,
Вместе с нею ты усни.

Пусть тебя зима укроет
Покрывалом чистых грёз.
Все обиды и укоры
Льдом скуёт седой мороз.

Быстротечна жизнь земная,
Чувства с временем - пресны.
Всё проходит, исчезая,
Горе, радость, явь и сны.

IV

КОНТРАСТЫ

В гостях у поэта Людмилы Чебышевой в деревне Чемодурово Воскресенского района. 2016 г.

НИЩЕНКА

Возле церкви нищая старушка
Милостыню просит у людей.
Рваное пальто, платок, да кружка.
Много ли сегодня надо ей?

А когда-то красотой гордилась,
Силою и статностью своей,
Но с годами всё переменилось,
Стала в тягость для родных детей.

И, покинув кров, ушла, больная.
Но покой в душе не обрела.
Вечная скиталица босая,
На устах с молитвою жила.

И прося убого подаянье,
Кланяясь, с надеждою ждала
Не монету – наше состраданье,
Да немного ласки и тепла.

Эта женщина беду познала,
Через боль и страх одна прошла,
Горечь униженья испытала,
Но покорно тяготы несла.

Так кому нужна она такая –
Символ равнодушия живой?
Сгорбленная, старая, седая –
Нищенка с протянутой рукой?

Целый день на паперти стояла.
К вечеру не чувствовала ног,
Собрала монеты и устало
Поплелась, шепча: «Спаси нас Бог».

ЧИНОВНИК

Перемены. Скандалы. Отставки.
Заголовками пресса пестрит.
На политиков делают ставки,
Изучая их ловкость и прыть.

Как на скачках, не чуя подвоха,
Управляемый кем-то извне,
Изворотливый плут и пройдоха
Мчится к цели заветной – казне.

Респектабельный с виду, холёный,
От «Армани» в одежду одет,
И как будто бы заговоренный
От ревизий, проверок и бед.

Подхалим с голливудской улыбкой,
Он, привыкший по чину расти,
Свой арест посчитал бы ошибкой
На счастливом карьерном пути.

Отдыхая в Майами и Каннах,
Соблюдает во всём этикет.
Он хозяин судьбы в этих странах,
Для него невозможного нет.

Только каждую ночь наш ворюга,
Просыпаясь в холодном поту,
Вспоминает, как будучи юным,
Пионером стоял на посту.

Или грезит, как летом холодным
Корабли он спасает во льдах.
Вырос мальчик, но стал ли пригодным,
Проживая в паркетных кругах?

Занял нишу доступную чину.
Стал расчетливым, черствым душой.
Он оставит любимому сыну
Связи, деньги, да сытый покой.

И довольный собою ворюга,
Отерев пот холодный со лба,
До конца в себе мальчика сгубит,
Чтоб не мучила совесть раба.

КОНТРАСТЫ

Движутся войска по автостраде.
Смерть - для фото – с радостью и в миг.

… Девочка в блокадном Ленинграде
Пишет вечной памяти дневник.

Трупы и сгоревшие машины
Фото для страницы в Инстаграм.

Жени больше нет, погибла Нина.
Голодно, а хлеба двадцать грамм.

Солдафон из профашистской рати
Усмиряет жителей села.

Бабушка «ушла», за нею братик,
А сегодня - мама умерла.

А наймит мечтает о награде.
Не в свою же он стреляет мать

Девочка в блокадном Ленинграде
Тоже не хотела умирать.

Против мирных жителей – снаряды.
Взрывы, кровь, осколки, едкий дым…

Из последних сил держаться надо
Вместе,
всем
и мёртвым, и живым.

Кто погиб от голода в блокаду,
Кто сегодня гибнет от ракет.
Наша память станет им наградой.
В памяти все живы,
мёртвых нет.

НА ДЕНЬ СМЕРТИ А.С.ПУШКИНА

Догорают угли в печке.
За окном, ревя, пурга
Мечется над Чёрной речкой,
Заметая берега.

– Барин при смерти, ах, Боже,
Всё сердечный просит пить.
– Есть надежда, доктор, что же?
– Чудо, если будет жить.

Врач склонился у постели,
А внизу гудит толпа:
– Пушкин ранен на дуэли,
Как же это господа?

– Царь-то знал?
– А то, поди, ж ты!
– Кто клевещет на царя?
– Господа, прошу вас, тише,
Право слово, это зря.

По толпе пошло: – Убили!
Господи, прости, спаси!
– Да чего там, затравили
Голос правды на Руси.

Ропот всё сильнее слышен:
– Точно, заговор!
– Беда…
– Тише, Пушкин умер, тише!
Как же это, господа?

***

Петербург Достоевского:
Безысходность, тщета.
И чем дальше от Невского,
Тем страшней нищета.

Попрошаек стенания
У церквей и палат,
Привлекая внимание,
Истерично звучат.

И, залив самогонку
В смертоносный коктейль,
Гонит голод девчонку
Торговать на панель.

И надеясь на случай,
Проиграв в «Фараон»,
Ставит юный поручик
Крест нательный на кон.

Стёрты радости детского
Безмятежного сна.
Петербург Достоевского –
Явь подвального дна.

Беспробудное пьянство
И чахоточный хрип
Дополняют убранство
Кладбищенских плит.

«КРУТОЙ МАРШРУТ»

На спектакль театра «Современник»

Через каторжные путы,
Через лагерный барак,
Шла страна крутым маршрутом
По этапу на Гулаг.

Шла под гимны о героях,
С верой пламенной в груди,
Обессилев от побоев,
Обезумев от вражды.

Шла клеймёная троцкизмом,
От стыда закрыв глаза.
Вдохновенным атеизмом
Жгла святые образа.

Оставляя чёрной меткой,
На версту, на полверсты,
Память долгую от предков -
Немудрёные кресты

Смог стоял от красной пыли…
Шла страна в сиянье звёзд.
По этапам бабы выли,
Озираясь на погост.

АКТРИСЕ

Ленинград – Петербург.
Этот город,
Облаченный в парадный мундир,
Опоясанный серой Невою –
Вольнодумцев-поэтов кумир.

На гранитных подмостках Истории
Декабристы чеканили шаг.
Со штандартом богини Виктории
Гордо реял Андреевский флаг.

Вольный дух, Европейская грация
Уживались с кровавым ярмом.
Для тебя это всё декорация,
Возведённая тяжким трудом.

От Исакия прикосновения
Растворяется время во сне…
Для тебя лишь в молитвах спасение
От тоски на чужой стороне.

Я бродила средь гипса и меди,
Сохранивших эпох торжество.
Ленинград – это сцена трагедий,
Без оваций и криков «Брави́»

ПАМЯТИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Над Елабугой пока что не рассвет.
Светят звёзды, мирная картина.
Ты гони дурные мысли прочь, поэт
Не бери грех на душу, Марина.

Стук в висках, готова волком выть,
Крик, сорвавшись, смолкнул цепенея.
Затянулась Ариадны нить
У тебя предательски на шее.

В дикой пляске шабаша вождей,
Что людей сметала, как лавина,
В вихре слов, пророчеств и идей,
Догорела свечкою Марина.

Размолол твою судьбу «станок»,
И пустил по ветру память знаний.
Закружился «чёрный воронок»
Между серых, опустевших зданий.

Счастье, боль, болезни и грехи
Прочь умчались в бешеном аллюре.
И взметнулись птицей ввысь стихи,
Неподвластные цензуре.

ДОН ЖУАН

1.

Ваша шпага, Дон Жуан,
Тонкая, как спица.
Темперамент южных стран
Гордого севильца.

Этой шпагой, как стрелой,
Сердце дам «пронзая»,
Обещаете порой
Слишком много рая.

Речи сладостной обман,
Счастье грёз глубоких.
Вы – спасительный бальзам
Женщин одиноких.

И не важно, что роман
Долго не продлится,
Нынче жертва сам Жуан
В грубой плащанице.

На заклании любви
Сердце дон Жуана.
Как последнее «прости»
Губы шепчут: «Amen».

2.

Не Вы моих сердечных ран
Причина, видит Бог.
Но мы столкнулись, дон Жуан,
На стыке двух дорог.
Соединив мечту в ночи
С прощаньем в ноябре,
Мы догорим, как две свечи
На утренней заре.
Когда сомкнётся ада круг,
Мы полыхнём в огне.
Но вы не разожмёте рук
Протянутых ко мне.
И будет восходящий день
Прекрасен и румян,
И вы за мною точно тень
Пойдёте, дон Жуан.

КАЗНЬ ЖАННЫ

– Разве церковь враг тебе? Странно…
Кайся, Дева, кайся, не глупи.
Слышишь голоса, Жанна?
– Только оскорбления толпы.
– Предана. Одна.
Рано
Умирать приходиться тебе.
Чувствуешь огонь, Жанна?
Кайся Дева, кайся на столбе.
Стала жертвой ты самообмана.
Где король? Где прежние друзья?
Слышишь голоса, Жанна?
– Лишь один и он внутри меня.
– Это голос Сатаны, Жанна!
Кайся Дева,
языки огня
Лижут твои ноги уже жадно.
– Вы не запугаете меня!

– Не упрямься, отрекись, Жанна!
Ересь не доводит до добра.
Неужели смерть тебе желанна?
Так и сгинешь в пламени костра…
– Скоро перед Господом предстану.
– Под тобой разверзнется земля,
Не упрямься, отрекись, Жанна.
Или помощь ждёшь от короля?
Он забыл тебя,
забыл, Жанна!
Да очнись, святые небеса!

Стала жертвой ты самообмана,
Выдумав, что слышишь голоса.
О твоём спасенье неустанно
Молим Бога, бедное дитя.
– Я не отрекусь!

– Жанна,
Слышишь нас?
Мы здесь,
Мы ждём тебя!

ДОРОЖНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Вдоль дороги, как наросты
Вёдра яблок, огурцов.
Сиротливые погосты,
Стайки одичавших псов.
Земли бывшие колхозов:
И куда не кинешь взгляд –
Худосочные берёзы
Точно вдовушки стоят.
Сломан и зажжён зачем-то
Брендовый рекламный щит.
Та дорога серой лентой
По судьбе Руси бежит.
Удаляясь к горизонту.
Растворяясь в облаках.
Размывая чёткий контур
Мыслей праведных в словах.
Мчится Тройка-Русь по краю,
Плётка в воздухе свистит.
У дороги догорает
В евро рай зовущий щит.

V

ОДНА ЗА ТРИСТА

В гостях у Бронницких поэтов, общий снимок у памятника А.А. Пушкину. 2019 г.

ГДЕ-ТО НА КРАЮ ВСЕЛЕННОЙ

1.

– Смотри, звезда падает. Загадывай желание! Скорее, пока не упала. Успел? А, что ты загадал? Это секрет? Не хочешь говорить, а то не сбудется? Ну и ладно, я тоже тебе ничего не скажу… А, впрочем, слушай: я загадала, чтобы мы всегда были вместе. Слышишь, всегда, всегда, и в горе, и в радости. Не смейся, я серьёзно. Я люблю тебя… Проснись…

Я проснулся от резкого удара по корпусу космолёта. В каюте было темно и холодно. Похоже генератор опять сдох. Как же не хочется выбираться из «спальника», впасть бы сейчас в анабиоз лет этак на 200 или на 500. Но надо вставать.

На ощупь добрался до двигательного отсека. Чертова планета. Вторую неделю бушует песчаная буря, из-за которой единый бортовой комплекс регулярно выходит из строя. Хотя песком эту клейкую субстанцию назвать сложно, она больше походит на кисель, желтоватого цвета. Появившись из неоткуда, кисель плотной завесой облепил обшивку космолёта. И даже умудрился просочиться во внутрь корабля через шлюзовой отсек. А отскоблить его от стенок и пола оказалось задачей не простой. Одно хорошо, кисель был не агрессивен. Вот угораздило же меня попасть на эту планету.

Нужна перезагрузка. Так же, на ощупь, перезапускаю приборы жизнеобеспечения. Бортовой ком-

пьютер крякнул, мигнул кнопкой пуска, и перезагрузка началась.

Когда система пришла в норму, я попытался оценить нанесённый ущерб. Вроде всё было в порядке. Включив камеру наружного наблюдения, я осмотрел обстановку за бортом. К моему удивлению буря стихла. На небе светил огромный диск белого солнца, заливая ярким светом всё вокруг.

Что же, надо выйти на поверхность и осмотреть корабль снаружи. Нет ли повреждений, и попытаться понять, какая хрень в него «влетела».

Надев скафандр, я не спеша выбрался из корабля на поверхность планеты. Ни куста, ни деревца – сплошная каменистая пустыня. Чертова планета.

Я двинулся вдоль корпуса корабля. Видимых повреждений не наблюдалось, хотя возможно их скрывал этот клейкий кисель.

Обогнув корабль по правому борту, я заметил, лежавший на земле странный предмет. Длинная железяка с трезубцем на конце. Интересно, что это такое, и как это сюда попало? Подойдя ближе, я осторожно пнул её ногой. Железяка звякнула от удара и отскочила метра на два в сторону. Так, вроде не кусается. Давай-ка посмотрим на тебя поближе. Я подошел, чтобы взять предмет в руки, и в этот момент получил удар сзади по шлему. Удар был настолько сильным, что я, как подкошенный, рухнул на землю…

2.

Я очнулся от сильной головной боли. Шея затекла. И что странно: шлема на мне не было.

– Слава Богу ты пришел в себя. – Услышал я радостный голос, и попытался сфокусировать всё своё внимание на нём. Я пригляделся, расплывчатый силуэт начал обретать форму. И черт возьми, не поверил своим глазам.

– Ты? Как? Это невозможно!

– Ты о чём? – Удивилась она.

– О тебе, конечно.

– А что со мной не так?

– Как ты оказалась здесь? Я в сотне тысяч световых лет от дома… А, я понял, ты моя галлюцинация.

- Вот как дам по башке, будешь знать галлюцинация я или нет. – Она рассмеялась.

Она рассмеялась так, как только она одна могла смеяться. Я любил её смех. Я любил её ямочки на щеках, и то, как она откидывала прядь волос со лба. Я любил прищур её голубых глаз, когда она смеялась. Я любил её. Боже, как давно это было.

– Ну, что, пришел в себя, путешественник? Ладно, поднимайся, хватит лежать на земле, еще простудишься, а мне потом лечить тебя. – Она протянула мне руку.

Поднявшись, я огляделся: что-то вроде подземелья, каменный свод, каменные колонны, каменный стол по середине комнаты, и две каменные скамьи по обе стороны стола. Средневековье какое-то. И светло, но ни свечей, ни электрических ламп не было.

– А где мы?

– Как где? Ты что не узнаёшь? Это наше убежище. Помнишь, мы отдыхали в Крыму, и нашли эту удивительную пещеру в горах?

– Да, точно. Я совсем забыл о той поездке.

– И о своей клятве тоже забыл? – Она с укоризной посмотрела на меня.

– Нет, конечно, нет.

Этого я, конечно, не забыл, просто спрятал глубоко в своей памяти, чтобы не сойти с ума от боли.

– Ты совсем не изменилась. Всё такая же красивая.

– С чего бы мне меняться? – Она улыбнулась, и на её щеках вновь появились ямочки. – А вот ты постарел, и на висках уже седина. Сколько лет мы не виделись?

– Вечность.

– А будто вчера только расстались. Ну рассказывай, как ты, чем занимаешься?

– Женат, у нас двое детей, работаю транспортником, перевожу грузы с одной планеты на другую. В общем, ничего интересного, всё как у всех.

– А кто у тебя, мальчик и девочка?

– Две дочки.

– Значит, твоя мечта сбылась. Помнишь, как мы мечтали о дочках?

Еще бы не помнить. Боль воспоминаний возвращалась.

– А здесь ты как оказался?

– Мой транспортник попал в поток астероидов недалеко от этой планеты и был повреждён. Пришлось сделать экстренную посадку.

– Не повезло. Что же ты теперь будешь делать?

– Чинить.

– А сможешь?

– Не знаю, буду пытаться.

Голова всё еще болела. Я сел на каменную скамью. Она села рядом. Я буквально чувствовал её тепло.

Это было странное ощущение близости, от которой у меня перехватило дыхание.

– А помнишь, - одновременно сказали мы.

– Давай ты первая.

– Нет, давай ты.

– Хорошо. Помнишь, как мы гуляли по набережной? Ночь, фонари горят, вокруг никого, и только звёзды над нами. Такие огромные и яркие…

– Конечно, помню. Ты же мне тогда предложение сделал. Поклялся…

– Да, верно. Ты ещё смеялась над моей неуклюжестью. Я чуть в фонтан не свалился.

– Ты поклялся…

– А еще, помнишь, пёс за нами увязался. Ободранный весь, худой. Ты еще предлагала взять его на откорм.

– Помню.

– И ещё я тогда поклялся, что мы всегда будем вместе и, что я никогда не причиню тебе боль.

– И ты не сдержал клятву.

– Нет. Не сдержал, прости.

– Ничего, это в прошлом, я давно простила тебя.

«Я давно простила тебя» – но я сам себя так и не простил. Я постарался забыть всё, как дурной сон, начать жизнь заново. Учился, женился, работал по двадцать часов в сутки, чтобы не вспоминать. И вот теперь накрыло, здесь, на этой чертовой планете, в сотне тысяч световых лет от дома.

– Не думай об этом. – Она словно прочитала мои мысли. – Теперь уже это не важно. Мы снова вместе и уже навсегда. Ты ведь не думаешь, что сможешь улететь с этой планеты?

– Не смогу?

– Нет.

– Почему?

– Потому, что ты мёртв, как и я.

Мёртв? Нет, нет, нет. Я жив, я не мог умереть. У меня жена, дочки… они ждут меня… я еще груз не доставил, мне за него предоплату дали, если я его вовремя не доставлю, лишусь всего – дома, семьи, работы.

Голова прошла. Я провел рукой по волосам и ощутил что-то липкое на пальцах. Кровь. Здорово мне видно досталось. Сотрясение, не иначе, от сюда и галлюцинации, и весь этот бред.

– Ты опять меня назвал галлюцинацией?

Я вздрогнул.

– А, впрочем, как хочешь. Если тебе так легче…

Она встала и отошла к стене. Всё такая же стройная и красивая, как в тот последний день.

– Тот последний день… Ты помнишь его?

Стало трудно дышать. Помню ли я его? Помню ли? В тот день мы впервые серьёзно поссорились. Ослеплённый гневом, я ударил её и ушёл, хлопнув дверью. Несколько часов бродил по улице, потом пил с новыми знакомыми в баре, сбрасывая её звонки. Потом сам звонил ей, и теперь уже она не брала трубку. Потом снова пил. А потом… Я проснулся в луже крови, и с ножом в руке, а рядом лежала она. Мёртвая. И я ничего не помнил.

– Это я убил тебя?

– А ты не помнишь?

– Нет. Провал в памяти.

– Теперь это не важно. Я простила тебя. Давно.

– А я себя нет. Любимая, правда, я мёртв?

– Конечно. Смотри.

Я лежал возле космолёта с широко раскрытыми глазами и смотрел на огромный диск белого солнца, висевшего над головой. Я смотрел на него, и чувствовал, как жизнь уходит из моего тела. Капля за каплей. Пока последний выдох не вытолкнул из него мою слабую душу.

ОДНА ЗА ТРИСТА

В дверь кабинета редактора журнала «Пламя» постучали.

– Да, - хриплым голосом сказал редактор, не отрываясь от бумаг.

За дверью послышалось какое-то шуршание, а затем снова раздался стук.

– Да кто там уже? Входите! – Рявкнул редактор.

Дверь приоткрылась, и в кабинет не вошел, а скорее просочился через узкую щель мужчина на вид лет сорока пяти, в джинсах и свитере.

– Здравствуйте. – Робко сказал он, быстро осмотрев кабинет в поисках точки опоры. И, видимо, не найдя ничего подходящего вцепился рукою в спинку стула, стоявшего возле стола редактора.

– Ну, что там у вас? – Не поднимая глаз, спросил редактор.

– Простите, я к вам… я вам… я вот…

– Да, что вы там мямлите? – Редактор, наконец, посмотрел на посетителя. – Вы кто? Вы как сюда попали?

– Простите. – Ещё больше растерялся мужчина. – Я вам, вот, принёс свою рукопись. Хочу напечатать в вашем журнале свои рассказы.

И с ловкостью фокусника извлёк рукопись из-под свитера.

– Вот. – Он гордо протянул смятые листки бумаги редактору.

– Это что? – Брезгливо спросил редактор, не решаясь взять мятые листы в руки.

– Рассказы. Мне сказали, что вы можете их напечатать за триста рублей.

Брови редактора поползли вверх.

– Милейший, у вас не точная информация: триста рублей у нас стоит одна страница, а у вас тут… – Редактор карандашом потыкал в его листы. – Не меньше двадцати будет, это… – Он взял калькулятор и начал быстро набирать на нём цифры, – это примерно, с учетом редактуры, этак на четыре с половиной тысячи рубликов потянет.

– У меня нет столько денег. – Вздохнул мужчина. – Я могу только за триста рублей.

– Что же, - также вздохнул редактор, – очень жаль. Подкопите и тогда милости просим к нам.

– А вы можете напечатать меня за триста рублей?

– За триста рублей мы можем напечатать только одну страницу.

– Я согласен.

– Послушайте, милейший, у вас есть рассказ на одну страницу? – Как можно спокойнее спросил редактор. – Нет?

– Я напишу. – Не сдавался мужчина

– Вот и хорошо. Идите, пишите, приносите рассказ и триста рублей, и мы вас напечатаем. – Ласково улыбнулся ему редактор.

Мужчина тоже радостно заулыбался.

– А можно я деньги отдам после публикации. Видите ли, я сейчас временно безработный, у меня немного стеснённое материальное положение, но я накоплю, к маю, или к июлю. К июлю точно накоплю и отдам.

– Чудненько, вот когда накопите, тогда и приходите.

Редактор поднялся из-за стола, подошел к мужчине и, обняв его за плечи, повёл к двери.

– А вы напечатаете меня за триста рублей? – Не унимался мужчина.

– Конечно. – Редактор открыл дверь кабинета и легонько вытолкнул мужчину в коридор.

– Спа… - захлопнувшаяся дверь поглотила остаток фразы.

Довольный собой, редактор вновь принялся за статью, когда в его дверь снова постучали, и в образовавшеюся щель протиснулась голова всё того же мужчины.

– Извините, я тут подумал… Вы знаете, Иру из галантерейного отдела универсама? Чёрненькая такая, не в смысле лица, а в смысле волос.

– Милейший, вы мешаете мне работать.

– Простите, но может вы всё же знаете Иру из галантерейного отдела?

– Нет, я не знаю никакой Иры из галантерейного отдела, - Начал закипать редактор.

– Ну как же так, её все знают. – Огорчился мужчина.

- Видимо мне не так повезло, как всем. – Раздраженно ответил редактор.

– Ира может заплатить за меня триста рублей.

– Рад за вас и за Иру.

– Вы ведь помните, что обещали напечатать меня за триста рублей?

– Да. – Редактор явно начинал терять терпение.

– Тогда я оставлю вам свои рассказы, а Ира заплатит триста рублей.

– Послушайте, я же вам уже объяснял, что триста рублей стоит одна печатная страница.

– Но у меня нет больше денег. Вы ведь напечатаете меня за триста рублей?

– Вы, что издеваетесь надо мной? – Закричал фальцетом редактор. – Я вам русским языком говорю – одна страница, одна! Вы понимаете русский язык? Одна! Одна! Не две, не три – одна! И ни страницей больше! А теперь уходите из моего кабинета и не мешайте мне работать. Вон!

Мужчина обречённо посмотрел на редактора и закрыл дверь кабинета. Красный от крика редактор бессильно откинулся на спинку кресла, хватая ртом воздух. Немного успокоившись, он снова попытался сосредоточился на статье. И тут дверь его кабинета тихонечко приоткрылась:

– Я напишу одну страницу. Вы напечатает меня за триста…?

СОДЕРЖАНИЕ

Леонид Дудин. Всё проходит 3

I. НА НЕБЕСАХ ЛИ, НА ЗЕМЛЕ

Наша жизнь словно соткана вся из дорог 9
Материнская доля 10
Сожги свеча мои печали 11
Разговор с осенью 12
Всё проходит и боль, и тревоги 13
Сегодня смерть пришла ко мне с визитом 14
Осень 15
Небо черное, ночь безлунная 16
Летняя зарисовка 17
Как в зеркале вижу 18
На небесах ли, на земле ли 19
У любви срока давности нет 20
Иду по улице 21
Романс 22

II. РОДНАЯ МОЯ СТОРОНА

Посёлок Хорлово 25
Яблонька красавица 26
Разбитная весна 27
Догорит на заре свеча 28
Деревья в инее 29
Новогоднее 30
Ночь 31
Замело листопадом дороги 32
Статуя 33
Вышивает осень 34
Темнота сгустилась за окном 35
Один поэт подвёл итог 36

III. ПОСВЯЩЕНИЯ. ПАМЯТЬ

Предрассветная молитва 39
Боль 40
Нет, вы не Байрон 41
Ночь в Париже 42
Ангел 43
Снова хмурится погода 44

IV. КОНТРАСТЫ

Нищенка 47
Чиновник 48
Контрасты 50
На день смерти Пушкина 51
Петербург Достоевского 52
«Крутой маршрут» 53
Актрисе 54
Памяти Марины Цветаевой 55
Дон Жуан 56
Казнь Жанны 58
Дорожные размышления 60

V. ОДНА ЗА ТРИСТА

Где-то на краю Вселенной 63
Одна за триста 70

Галина Глебова

Разговор с осенью. Стихи, проза.

Редактор Л.А. Дудин

Дизайн обложки А. Белёнова

Компьютерная вёрстка Е.В. Агапова

ООО Издательство «Серебро Слов»

E-mail: serebro.slov@gmail.com
Сайт: http://tvoyakniga.ru/
Интернет-магазин:
http://www.tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/

Подписано в печать 26.08.2019
Формат 84x108/32. Бум. офс. №1. Усл. печ. л. 3,99.
Печать цифровая. Гарнитура Minion Pro.
Тираж 200 экз. Заказ № 765

Отпечатано в Воскресенской типографии
E-mail: vosprint@mail.ru
Тел: 8 (926) 966-49-48